

Лев Кербель: «Наше дело – художественное»

Последнее интервью знаменитого скульптора

независимая - 2003 - 19 авг - с. 10

Григорий Заславский

Родившись 7 ноября 1917 года, Лев Кербель тем самым как будто и определил темы своего творчества – тему революции и ее вождей, торжества нового общества и новых идей. Артистичный, мощный старик, он весьма стоически реагировал на снос тех или других памятников. Говорил, что его Маркса не сломаешь, он из цельного куска камня. Его Маркса действительно не снесли...

Лев Ефимович, как вы относитесь к складу памятников на задах ЦДХ, который, правда, называется музеем скульптуры? И пострадали ли ваши монументы во время тогдашнего массового свержения памятников?

– Из моих там, по-моему, только одна пострадавшая вещь. Но сказать ничего плохого об этом не могу, поскольку сначала все памятники просто валялись, а теперь устроен прекрасный парк, все скульптуры поставили, и они, в общем, хорошо смотрятся. Единственное, жалко, что памятник Дзержинскому, великолепный памятник Вучетича, сняли. Там и кресты ставили, и всякую гадость... Можно ли его поставить на место? Трудно сказать. Я бы, например, не побоялся. Площадь ведь без него сразу опустела. А Дзержинский и сам по себе очень интересный и важный человек для советской истории, и работа Вучетича – очень талантливая, которая городу многое бы дала. Мои памятники тоже кое-где снимали. В свое время я сделал памятник русскому и китайцу к выставке в Шанхае. Мао Цзэдун меня поощрял, я даже получил орден за эту работу. Но хунвейбины через какое-то время все сломали. Хотели снять только русского, но он крепко держался за китайца, так что сняли обоих. Ну, что делать?! В Болгарии стоял замечательный памятник Ленину, из гранита, большой, всем нравился, но теперешнее правительство его снесло. Куда дели – неизвестно. Кто-то говорил, что зарыли в лесу. Но памятник был большой – 22 метра из гранита. Очень жалко. Что касается немцев – это удивительный народ, ни одного памятника не снесли, а у меня их в Германии много.

– Я как раз хотел спросить о памятнике Карлу Марксу, который вы поставили в ГДР в Карл-Маркс-Штадте...

– Там была сделана только голова, восемь метров двадцать сантиметров в высоту, восемь двадцать в ширину и в глубину девять метров. Огромная голова на постаменте. Некоторые люди не верили, что такое можно сделать, а теперь этот памятник полюбили. И я до сих пор получаю письма из Германии. Пишут, что за памятником ухаживают, правда, теперь это уже не Карл-Маркс-Штадт, а Хемниц. Кроме того, когда Сталин

людей, когда он умирает и источает только яд?

– Если памятник сделан хорошо, талантливо, он будет стоять века, памятники старинные не стареют, а, наоборот, молодеют. А если сделан на пару месяцев или лет, то он все равно не удержится. Мои ученики, например, Александр Бичуков, один из первых моих учеников, недавно с архитекторами своими сделал великолепный памятник погибшим в Чечне. Другой его замечательный монумент – три богатыря – стоит при въезде в Москву. Мой ученик, Александр Рукавишников, у которого много памятников стоит в Москве, сейчас выиграл конкурс и будет делать памятник царю Александру. Его поставят при въезде в Кремль. Еще один мой ученик, Михаил Переяславец, рядом с моим памятником героям «Курска» поставил памятник десанникам. Прекрасная вещь. Теперь ему поручено сделать памятник Сурикову напротив Академии художеств.

скульптору предлагают оформить церковь, возникает ли вопрос вероисповедания?

– Нет, конечно. Случайно как-то знакомый кубинский архитектор, который живет в Мадриде, приехал ко мне и говорит: «Будет делаться небольшой храм в Мадриде. Хотелось бы, чтобы ты там скульптуры сделал». Я с ним поехал. Меня устроили в маленькой комнатке, и десять дней я работал с материалами о тех, кого мне предстояло делать. Это все были жертвы короля...

– Жертвы государственного режима, как теперь говорят...

– Да. С удовольствием сделал эти эскизы, их быстро утвердили, и я уехал в Москву. Для меня это было счастьем, так как в это время у меня не было никаких заказов. Быстро все это отлил в бронзе, приехал падре, настоятель церкви, ему все понравилось. Больших трудов стоило оформить потом бумаги, чтобы отправить работы в Испанию. Спустя время я был в Испании с

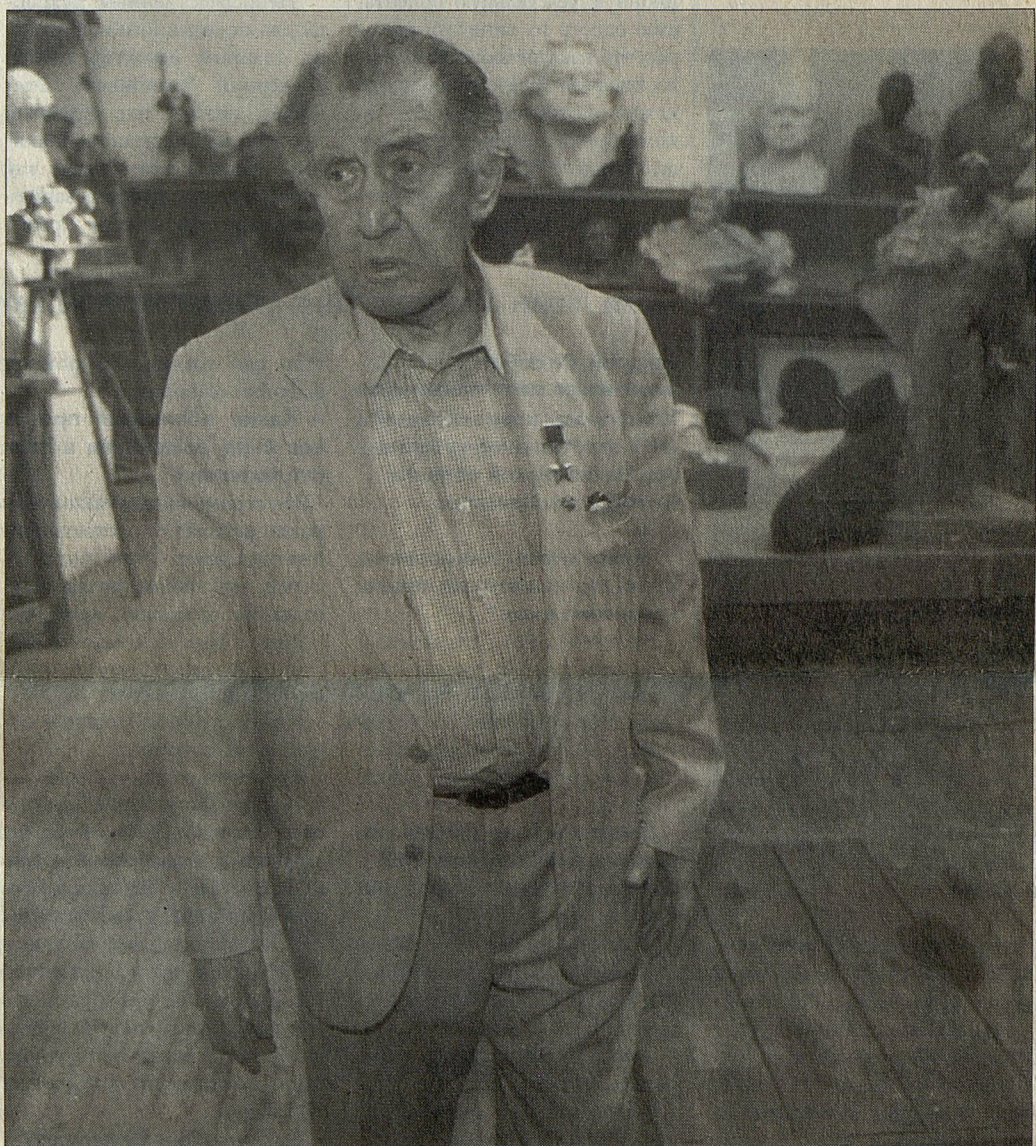
рабочие плохо работают, медленно. Говорит мне: «Сейчас все будет нормально». Улыбнулся им, и они тут же начали вкалывать, как следует.

– Хорошая валюта!

– Да. И в конце, когда очень быстро закончили этот дом, он купил пол-литра водки, завернул какую-то целлофановую штучку, выкопал ямочку и туда эту бутылку сунул, надписав: «Гагарин». Такой-то год и число. И мы разъехались. И я на этом месте поставил ему памятник. И кирпича сделал постамент и на нем – бронзовую скульптуру...

– А интересно ли было бы вам сейчас поработать над образом Ленина? Или все, что вы хотели сказать и сделать, вы уже сказали и сделали?

– Я уже много сделал. Говорят о нем по-разному. Но для меня это не просто Ленин, такой, какого по-разному трактуют. Для меня это – особый художественный образ. У меня Ленины все разные, я сделал много этих памятников и по России и за ру-

Лев Кербель: «Если памятник сделан талантливо, он будет стоять века».

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

– Сегодня почти все памятники устанавливаются по итогам конкурса. Вы участвовали в каких-либо конкурсах? Были ли конкурсы при советской власти или решения принимались директивно?

– Когда еще я был студентом четвертого курса, я сделал проект памятника Маяковскому. Участвовали крупные мастера, я получил первую премию. Но началась война, и я этого памятника не смог сделать, но Кибальников сказал, что этот памятник сделает по-своему, но

академической экскурсией и решил пойти посмотреть. И когда увидел, был потрясен, как стоят там мои вещи и как люди им молятся. Я никогда религией не занимался и сейчас не особенно занимаюсь, но уважаю, когда она чистая. Уважаю людей, которые искренне молятся, а не только делают вид, что верят и молятся. Есть у меня много и других таких вещей. Хотя я не набожный человек, у меня очень хорошие отношения с Патриархом всея Руси...

– А партия и правительство как относились к вашему увлечению религиозной тематикой?

– В тот момент партии и правительству было не до того, сумбур был один. А наше дело – художественное. Мне нравится это делать – я делаю. Утвердили? Утвердили. Была комиссия Министерства культуры – пожалуйста. Все хорошо. Лишь бы было хорошее искусство.

– Есть ли у вас проблемы с мастерскими?

– Для меня это уже не проблема, но было проблемой. После фронта у меня появилась маленькая мастерская, хотя и там я очень много работал. Потом мне и Цигалю очень помогла Мухина, я перешел в другую мастерскую. Писал в правительстве, и наконец мне дали нынешнюю мастерскую – высокое помещение, двухэтажное. Сейчас там очень много работ моих стоит. Когда начали делать этот дом, пришел ко мне Гагарин в гости. Мы с ним подружились уже, я его лепил и много чего уже сделал. Он услышал, что

бежом, они все стоят, никто их не трогает. Но я эту тему почти исчерпал, перехожу к другим. К теме героев Отечественной войны, теперешних героев, которые гибнут в мирное время за нашу Родину.

– У вас очень много надгробных памятников. Бондарчук, Фурцева, Бабанова, Ойстрах... Надгробный памятник – это особый жанр или возможность дополнительного заработка?

– В первую очередь, когда мне заказывают памятник, я смотрю место и масштабы. Потом смотрю фотографии, чтобы понять, от чего оттолкнуться. Потом делаю то, что я думаю. Образ, который я полюбил и которому уже доверяю. Делаю эту работу или в мраморе, или в бронзе, всегда беру для работы хорошего архитектора, который делает хороший постамент. Всем нравятся мои памятники. Никто не ругал пока. Погибшему сыну моей жены стоит памятник недалеко от Фурцевой, рядом с матерью Вучетича. Я туда часто хожу, кладу цветы...

– Вышло что-то вроде музея под открытым небом... Вы, кстати, о своем музее не думали?

– У меня был сарай, наполненный огромным числом полуразбитых своих работ. Я решил их отреставрировать, и мне помогли продлить этот сарай до длинной галереи. Сейчас я эту галерею стараюсь пригладить, там много моих работ, которые мне нравятся, и еще целый большой сарай работ, которые надо доделать.

Можно ли великолепный памятник Дзержинскому поставить на место? Я бы не побоялся

дал указание Жукову сразу после взятия Берлина установить памятник героям штурма, мы с моим товарищем Цигалем были отозваны в распоряжение Жукова и сделали этот памятник героям штурма Берлина и героям-танкистам Зееловских высот. Он цел, с ним все в порядке.

– Может быть, памятник, подобно человеку, рождается, становится зрелым, а потом умирает, как умирают люди. Может быть, у памятников бывает такой же естественный финал, когда истощается его способность влиять на

близко к тому, как я придумал. Так это было. Я выиграл со своими друзьями конкурс на памятник Суворову. В последнее время я много делаю вещей по своему выбору. Заказов нет, к сожалению. Нет пока. Но я знаю, что надо для страны. Сейчас, например, адмирал Куроев обещал поставить два памятника, которые я давным-давно уже сделал. Сделал в моделях, конечно, – «Морская душа» в Полярном и в Смоленске еще один...

– Вы сделали скульптурное оформление храма Санта Мария в Мадриде. Когда